

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 39–46

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 39–46

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-39-46>

EDN: UHEMQF

Научная статья

УДК 821.161.1.09(470.44-45)+929Пыпин

«Нашу семью называли в городе “благословенной семьей” ...» (к биографии Александра Николаевича Пыпина)

Е. В. Степанова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

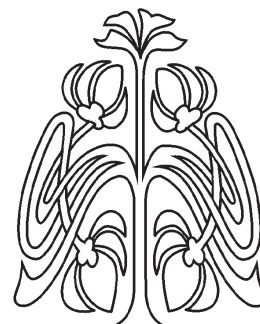
Степанова Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры начального языкового и литературного образования, ste-jelena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0802-4368>

Аннотация. Работа посвящена вопросам биографии выдающегося отечественного ученого-гуманитария, академика Императорской академии наук А. Н. Пыпина (1833–1904). Цель исследования – выявить и обобщить материалы о саратовском периоде жизни ученого, представить историю его семьи, раскрыть роль отца и матери в интеллектуальном и духовном становлении. В результате исследования на основе привлечения широкого круга мемуарных, документальных и эпистолярных источников установлено, что история дворянского рода Пыпиных восходит к 1791 г. Предки по линии отца, Н. Д. Пыпина, были чиновниками, по линии матери, А. Е. Голубевой, – священниками. Показано, что А. Н. Пыпин воспитывался в семье религиозной, с высокими нравственными идеалами, в атмосфере любви и заботы. Значима роль родителей в формировании его гуманитарных интересов. Отмечается, что отличавшая Александра Николаевича с раннего возраста любовь к книгам, к чтению, шла из семьи, от матери, и была естественной потребностью всех младших членов семьи. Родители разными средствами формировали картину мира сына: мать – посредством литературы, первичных учебных знаний, отец – через соприкосновение с реальной жизнью. Он знакомил сына с миром крестьянского быта, крепостного права. По признанию ученого, Н. Д. и А. Е. Пыпины оказали существенное влияние на формирование его личности, повлияли на выбор жизненных приоритетов. В статье впервые публикуется первоисточник о рождении А. Н. Пыпина – запись в метрической книге саратовской Нерукотворно-Спасской церкви, формулярные списки его прадеда, деда и отца.

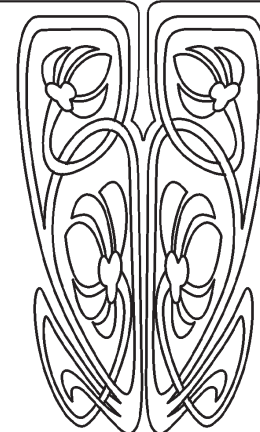
Ключевые слова: А. Н. Пыпин, род Пыпиных, приобретение дворянства, родители, Н. Д. и А. Е. Пыпины, семья, Саратов

Для цитирования: Степанова Е. В. «Нашу семью называли в городе “благословенной семьей”...» (к биографии Александра Николаевича Пыпина) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 39–46. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-39-46>, EDN: UHEMQF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

"Our family was called the 'blessed family' in the city..." (to the biography of Alexander Nikolaevich Pypin)

E. V. Stepanova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena V. Stepanova, ste-jelena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0802-4368>

Abstract. The work deals with the questions of the biography of the outstanding Russian scientist-humanitarian, academician of the Imperial Academy of Sciences A. N. Pypin (1833–1904). The purpose of the study is to identify and summarize materials about the Saratov period of the scientist's life, to present the history of his family, to reveal the role of his father and mother in intellectual and spiritual development. The study of a wide range of memoirs, documentary and epistolary sources resulted in establishing that the history of the noble family of the Pypins dates back to 1791. The ancestors on the father's side, N. D. Pypin, were clerical workers, on the side of the mother A.E. Golubeva they were priests. It is shown that A. N. Pypin was brought up in a religious family, with high moral ideals, in the atmosphere of love and care. The role of parents in the formation of his humanitarian interests is significant. It is noted that the love of books and reading that distinguished Alexander Nikolaevich from an early age came from his family, from his mother, and was a natural necessity for all younger family members. Parents formed a picture of the world of their son by various means. If the mother did so through literature, primary educational knowledge, then the father formed it by means of contact with real life. He introduced his son to the world of peasant life, of serfdom. According to the scientist, N. D. and A. E. Pypins had a significant impact on the formation of his personality, influenced the choice of life priorities. The paper publishes for the first time the primary source about the birth of A. N. Pypin, the record in the metrical book of Saratov Church of the Holy Saviour, the formulary lists of his great-grandfather, grandfather and father.

Keywords: A. N. Pypin, the Pypin family, acquisition of nobility, parents, N. D. and A. E. Pypin, family, Saratov

For citation: Stepanova E. V. "Our family was called the 'blessed family' in the city..." (to the biography of Alexander Nikolaevich Pypin). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 39–46 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-39-46>, EDN: UHEMQF

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Корпус исследований о жизни и деятельности выдающегося ученого, основателя культурно-исторического направления в отечественном литературоведении академика Александра Николаевича Пыпина (1833–1904) начал формироваться сразу же после его смерти. Однако многие вопросы биографии и научного наследия и сегодня, в год 190-летия со дня его рождения остаются открытыми. Так, своего подробного изучения требует начальный саратовский период жизни ученого, в который под влиянием ближнего окружения, внешних событий проходило формирование его личности, становление системы жизненных ценностей.

Многие члены семьи А.Н. Пыпина – Александра Егоровна и Екатерина Николаевна Пыпины [1, 2], Николай Гаврилович и Михаил Николаевич Чернышевские [3, т. 1, с. 566–691; 4] – оставили воспоминания, в которых содержатся ценные сведения о предках, родителях ученого, духовном и бытовом укладе семьи. Важным источником биографических сведений являются мемуары самого академика «Мои заметки» [5]. Весомый вклад в освещение различных вопросов саратовского периода детства и юности Александра Николаевича был внесен исследователями его жизни и деятельности: Б. Б. Глинским [6], П. Л. Юдиным [7], В. А. Пыпиной [8], А. А. Демченко [9], А. С. Озерянским [10, 11], которые существенно расширили биографические сведения

корпусом ценных архивных документов. Целью нашего обращения к биографии А. Н. Пыпина стало намерение обобщить имеющиеся факты саратовского периода, расширить их новыми архивными материалами, представить роль отца и матери в линии духовного и интеллектуального становления будущего ученого.

Александр Николаевич Пыпин родился в 1833 г. в Саратове. Долгое время в биографических трудах документальным свидетельством этому выступал архивный документ – копия консисторского свидетельства о его рождении от 31 мая 1842 г. [9, с. 67; 11, с. 7]. Между тем в Государственном архиве Саратовской области (далее – ГАСО) сохранился первоисточник – запись в метрической книге саратовской Нерукотворно-Спасской (Сергиевской) церкви за 1833 г. Текст записи никогда не публиковался, восполним это упущение и приведем его: «Двадцать третьего числа, из дворян у канцеляриста, служащего в саратовской казенной палате Николая Дмитриева Пыпина и законной жены Александры Егоровой от второго ее с ним брака родился сын Александр». Крещение младенца состоялось 24 марта, воспитателями, как значится из записи, стали «протоиерей Гавриил Иванов Чернышевский, саратовской духовной семинарии учителя кандидата Якова Андреева Розанова жена Лариса Федорова». В конце отмечается, что «молитвословил, имя нарек и

крещение совершил означенный протоиерей Гавриил Иванов Чернышевский, при крещении был также церковный дьячок Максим Константинов Семеновский» [12, л. 37 об.].

При всей определенности фактической даты рождения – 23 марта – Александр Николаевич и все члены семьи днем его рождения считали 25 марта. Причины этого установить не удалось. Даже дочь ученого, В. А. Пыпина, располагавшая архивом отца, семейными документами, отмечает это расхождение в датах, но не объясняет его: «Днем рождения А. Н. Пыпина в семье всегда считалось 25 марта, но в саратовской метрической книге Сергиевской церкви рождение его записано под 23 марта» [8, л. 8].

В отеческом доме дни рождения не отмечались. Родители А. Н. Пыпина были людьми старого порядка, религиозными, соблюдали православные традиции, согласно одной из них в семье почитались именины, детей поздравляли с днем ангела. День именин для новорожденного был выбран не ближний ко дню рождения, а достаточно отдаленный – 30 августа. Это день памяти нескольких святых: преподобного Александра Свирского, благоверного князя Александра Невского и Александра Константинопольского. Сведения о святом покровителе А. Н. Пыпина в семейной переписке, мемуарных источниках не встречаются. Известно лишь, что в семье «для каждого из детей заказывалась икона хорошего письма – мальчишкам в золоченых ризах, девочкам в серебряных...» [8, л. 6]. В фондах музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского хранится один из таких образов – Варвары великомученицы [13], принадлежавший старшей сестре ученого Варваре. Вероятно, что икона с изображением покровителя была и у Александра Николаевича, однако след ее затерян.

Родители ученого принадлежали к разным сословиям. В своих воспоминаниях А. Н. Пыпин отмечает, что отец, Николай Дмитриевич (1808–1893), происходил из «довольно старого мелкопоместного дворянского рода» [5, с. 50], история которого уходила в тамбовское наместничество. Эти сведения конкретизируют и существенно расширяют обнаруженные нами документы в саратовском архиве.

Основателем потомственного дворянского рода Пыпиных был Козьма Николаевич Пыпин (прадед Александра Николаевича). Каких-либо сведений о его родителях, месте и дате рождения не сохранилось, но до нас дошел его послужной список. Козьма Николаевич был военным, дослужился до высшего обер-офицерского звания – 12 апреля 1765 г. ему было присвоено звание ка-

питана. В 1775 г. он вышел в отставку и поселился в Тамбове. Гражданскую службу начал в чине коллежского асессора по должности казначея Тамбовской казенной палаты. В марте 1786 г. получил гражданский чин надворного советника [14, л. 31]. Был женат на Аграфене Ивановой, имел троих сыновей: Андрея, Дмитрия и Василия [14, л. 12 об.]. Скончался в 1799 г.

Отметим, что уже офицерское звание давало прадеду А. Н. Пыпина право на получение потомственного дворянства. Однако, как показывают документы, лишь спустя годы, уже находясь на гражданской службе, он подает соответствующее прошение на имя императора. 21 декабря 1791 г. Козьме Николаевичу была пожалована грамота о принадлежности его привилегированному сословию, а в дворянскую родословную книгу Тамбовской губернии внесена запись о потомственном дворянском роде Пыпиных [14, л. 1].

С именем Козьмы Николаевича связано и первое упоминание об имении Пыпиных – сельце Дмитриевском (Иткарка), расположенном в семнадцати верстах от Аткарска, которое для последующих поколений станет родовым, будет передаваться по наследству.

Его сын, Дмитрий Кузьмич, родился в 1775 г. Из формулярного списка, составленного в 1825 г., значит, что уже в возрасте девяти лет, 8 апреля 1784 г., он поступил на службу в государственную ревизионную коллегию Тамбовской губернии подканцеляристом [14, л. 4 об.]. Спустя два года становится коллежским регистратором, а 12 ноября 1789 г., в четырнадцать лет, назначается столоначальником той же палаты [14, л. 4 об.]. Начало службы в столь раннем возрасте было типичным для первой четверти XIX в., лишь в 1828 г. были введены возрастные ограничения о приеме на службу – не моложе 14 лет. В дальнейшем дед А. Н. Пыпина служил в различных казенных учреждениях Тамбова, затем Аткарска Саратовской губернии, однако так и не преодолел низшую ступень в табельной лестнице. Он был дважды женат. В браке с Марфой Перфильевой имел сыновей – Михаила (1806 г.р.), Николая (1808 г.р.), Василия (1811 г.р.), Якова (1815 г.р.), дочь Марью (1817 г.р.) [14, л. 5–6 об.]; овдовев, женился на Марье Козьминичне (фамилия не установлена), от которой родился младший сын Аркадий (1828 г.р.) [14, л. 44]. Скончался Д. К. Пыпин в 1830 г. от холеры в Аткарске [14, л. 44].

Вслед за отцом Дмитрий Кузьмич был вписан в дворянскую родословную книгу Тамбовской губернии, но поселившись в Аткарске, он подает прошение императору о внесении его с

сыновьями Василием, Михаилом и Николаем в дворянскую родословную книгу Саратовской губернии. Прошение было удовлетворено, и 25 мая 1825 г. саратовское депутатское собрание приняло соответствующее решение [14]. С этого времени потомственный дворянский род Пыпиных начинает свою историю на Саратовской земле.

Деятельность третьего поколения дворян Пыпиных была предопределена. Старшие сыновья, как их дед и отец, стали чиновниками. Как писал А. Н. Пыпин, его отец всю жизнь «занимал мелкие должности... с очень небольшим жалованьем» [5, с. 50]. Формулярный список Николая Дмитриевича Пыпина, составленный 25 июля 1852 г., выборочно публиковался [9, с. 67–68]. Представим его в хронологии с перечнем занимаемых им должностей, дополнив сведениями, охватывающими последние двадцать лет деятельности Николая Дмитриевича.

Государственную службу Н. Д. Пыпин начал 15 апреля 1824 г. канцеляристом в Тамбовской палате уголовного суда, в которой дослужился до коллежского регистратора. 15 марта 1829 г. был перемещен в Саратовскую гражданскую палату. В продолжении последующих пятнадцати лет проживал в Саратове, выполняя обязанности старшего коллежского регистратора, письмоводителя в разных учреждениях: Казенной и Гражданской палатах, Окружном управлении, непродолжительное время – с 28 апреля по 28 ноября 1842 г. – занимал должность надсмотрщика (проводил осмотр тюрем). В октябре 1844 г. был переведен письмоводителем в Аткарское окружное управление. В январе 1846 г. по выборам дворянства определен заседателем в Аткарский уездный суд. По выслуге лет 5 февраля 1849 г. высочайшим приказом по гражданскому ведомству Н. Д. Пыпин был произведен в титулярные советники со старшинством [15, л. 5–10]. Лишь в 1853 г. он получил перевод в Саратовскую губернскую казенную палату [3, т. 14, с. 246, 248]. Последние годы служил в соляной конторе [4, с. 28]. К концу 1860-х гг. здоровье его ухудшилось, возникли проблемы со зрением. В сентябре 1871 г. Николай Дмитриевич вышел на пенсию [16, л. 27].

В общей сложности трудовая деятельность Н. Д. Пыпина продолжалась 47 лет. Современники отзывались о нем как о честном порядочном человеке, имевшем авторитет [2, с. 21]. При всем трудолюбии, ответственном отношении к делу, свойственных ему высоких нравственных убеждениях он не сделал карьеры, не нажил ка-

питала. Устройством для него более выгодного места нередко занимались родные. Так, его зять И. Г. Терсинский в августе 1850 г. сообщает о своих хлопотах в высших кругах Петербурга относительно Николая Дмитриевича, определения его «или ассессором в Палату, или же Окружным начальником по Саратовскому уезду... Я сегодня же пишу об этом в Аткарск, если Николай Дмитриевич захочет воспользоваться этим случаем, то поруководительствуйте его... Конечно, нехорошо заноситься слишком высоко, но не советую принимать незначительного места» [17, л. 9]. Николай Дмитриевич, несомненно, выделялся на общем чиновничьем фоне и отсутствием честолюбия. Желания приобрести высокое общественное положение или заслужить официальное признание и связанные с ними почести и награды не захватывали его. Показательны в этом отношении строки в письме к сыну от 7 сентября 1849 г.: «...на днях открыл в Высочайших приказах чин свой титулярного советника, приказ последовал еще от февраля сего 1849 года. А я и не знал» [18, л. 3].

Мать ученого, Александра Егоровна (1806–1884), была дочерью протоиерея саратовской Нерукотворно-Спасской (Сергиевской) церкви, Егора Ивановича Голубева. Его жизненный путь в исследовательской литературе описан в связи с близкородственной Пыпиным семье Чернышевских [19, с. 24–25]. «Отец мой, – писала она, – первый священник в Саратове, кончивший курс в семинарии» [1, с. 90]. Воспитание было строгим. Мать, Пелагея Ивановна (в девичестве Кириллова), с детских лет приучала дочерей, Александру и ее старшую сестру Евгению, к ведению хозяйства. Их образованием занимался отец, а после его смерти – Гавриил Иванович Чернышевский, ставший мужем Евгении и принявший церковный приход.

К моменту знакомства с Н. Д. Пыпиным Александра Егоровна была вдовой с двумя малолетними детьми, Любовью (1824 г.р.) и Егором (1828 г.р.) Котляревскими. Решение о втором замужестве принималось ее матерью под влиянием трагических событий. Летом 1830 г. в Саратове свирепствовала холера, унесшая жизни многих знакомых. Пелагея Ивановна, переживая за младшую дочь, которая в случае ее смерти осталась бы одна с малолетними детьми без поддержки, занялась устройством ее брака. Вот как описывает свое знакомство с Н. Д. Пыпиным Александра Егоровна: «В один день в октябре приходит к нам постоялка и просит маменьку и нас с сестрою вечером пить чай... Отправились. Немного спустя явился Подъяпольский (знако-

мый семьи. – Е. С.) с Николаем Дмитриевичем [Пыпиным], отрекомендовал своего родственника, просидели вечер. Дня через два явились оба к нам, опять вечером, и через день Подъяпольский приехал уже один с предложением. Ну, тут уже сказали и мне, что значит это знакомство и решили все-таки старшие, что должно выходить» [1, с. 99–100].

По традиции того времени брак был «слаженным», без горячего чувства, близкого знакомства. Несмотря на это, вместе они прожили 53 года во взаимном уважении, с открытым искренним отношением друг к другу, ответственно выполняя семейные обязательства. По словам младшей дочери Екатерины, в Саратове семью Пыпиных называли «благословенной» [2, с. 20]. Вероятно, такому стороннему восприятию способствовал тот факт, что семья была многодетная. Пыпины, кроме детей от первого брака Александры Егоровны, вырастили еще восьмерых детей, которые делились на старших и младших. Старшие – Варвара (1831 г.р.), Александр (1833 г.р.), Евгения (1835 г.р.), Пелагея (1837 г.р.), Сергей (1838 г.р.); младшие – Екатерина (1847 г.р.), Петр (1849 г.р.) и Михаил (1851 г.р.).

С детских лет А. Н. Пыпин не был одинок. Его окружали многочисленные братья и сестры. Разница в возрасте детей, а между некоторыми существенная, не способствовала общей дружбе, однако все жили интересами семьи, поддерживали друг друга. И в этом, безусловно, была заслуга родителей. Письма к А. Н. Пыпину периода его обучения в университете писались всей семьей: мать, отец, старшие дети сообщали что-то свое Сашеньке, как называли Александра Николаевича в семье. В свою очередь в ответных письмах он также обращался приписками к каждому: «Милые маменьки и папенька», «Милые Еничка, Поленька...». В ближайший круг А. Н. Пыпина с детских лет входили сестры Евгения и Пелагея, а также двоюродный брат Николай Чернышевский. Взаимоотношения братьев достаточно подробно освещены в целом ряде исследований [10, 20, 11].

В воспоминаниях «Мои заметки», написанных в конце жизни, ученый обращается к годам детства и юности. Однако о матери и отце говорит скупко. Он не ставит цели создать их образы, раскрыть характеры, суть своих отношений с ними. «О себе самом говорить я не имею охоты», – так начинает он мемуары [5, с. 46]. Для него говорить о родителях – то же самое, что говорить о самом себе, глубоко личное. Приводимые же сведения о родителях в большей степени вплетены в историю его рода, к которому Александр

Николаевич не проявлял пристального интереса, не изучал его, не составлял генеалогического древа. Его память сохранила лишь отрывочные сведения из когда-то услышанных семейных историй. Этот фактографический материал, собранный воедино, является для ученого не столько выражением личного, сколько иллюстрацией давнопрошедшего, позволяющего на примере жизни своих предков показать нравы ушедшей старины, традиционного, патриархального уклада, в условиях которого прошло его детство.

И тем не менее образы родителей, бытовой строй их жизни достаточно подробно воссозданы в воспоминаниях других членов семьи. Написанные в разные годы, они имеют много общего, что свидетельствует о целостности характеров Александры Егоровны и Николая Дмитриевича Пыпиных, их постоянстве.

Образ Н. Д. Пыпина содержательно представлен в воспоминаниях М. Н. Чернышевского, который в детские годы жил в саратовской семье подолгу. «Росту он был среднего, – отмечал Михаил Николаевич, – походка спокойная и твердая, фигура довольно плотная, большая голова, черты лица скорее резкие, большие брови придавали ему на первый взгляд суровое выражение, но это было только до первого разговора: после нескольких слов был уже виден его настоящий характер: открытая добродушная натура...» [4, с. 29].

Доброта была главной чертой характера Николая Дмитриевича, отмечаемая всеми мемуаристами: «Простой, добрый человек», – писал об отце А. Н. Пыпин [5, с. 52]; «это был мягкий, добродушный до бесконечности человек», – подчеркивала его сестра Екатерина [2, с. 20]. В чем выражалось это свойство природы, попытался сформулировать М. Н. Чернышевский: «Ко мне он [Николай Дмитриевич] относился очень хорошо и ласково, т.е. нельзя сказать, что “ласково”, т.к. это понятие включает в себе непосредственную “ласку”. Нет, непосредственной “ласки” вообще у Пыпиных не было – эта ласка была, так сказать, духовная и лишь ощущалась тем лицом, к которому была направлена; она проявлялась главным образом в интонации голоса и общими заботами и вниманием» [4, с. 29].

Н. Д. Пыпин был сдержанным в проявлении чувств и эмоций. Свою любовь к близким он выражал заботой о них. Проследить движения его души и мысли по отношению к родным позволяют сохранившиеся письма Пыпиных к Александру Николаевичу в период его обучения в Казанском университете. Традиционно письма писала мать, отец, как правило, делал приписки, в которых давал наставления сыну

о ведении домашнего хозяйства, сообщал о посылке денег, нередко указывая конкретную цель их траты: «...я скажу коротко и ясно: вот шесть рублей серебра за шитье сюртука и на перчатки...» [21, л. 19]¹; интересовался, не испытывает ли он денежных затруднений: «...получил ли ты посланные тебе деньги, не нужно ли еще?» [22, л. 21]. Наставительный тон меняется, приобретает теплоту, добродушный юмор, когда отец сообщает сыну о семейных радостях: «На днях тебе Бог дал брата по имени Петр, прошу любить, он парень славный и не такой курносый, как ты» [23, л. 10]. Обращают на себя внимание и строки иного содержания, так, в письме от 7 сентября 1849 г. он пишет: «Ты хочешь учиться английскому языку, это хорошо, за что же отбрасываешь класс танцевания, почему же не поучиться и потанцевать. Если нужно за это что-нибудь взносить, уведоми, но на этом не постою» [18, л. 4]. При скромных доходах, основу которых составляло небольшое жалование главы семьи, Николай Дмитриевич был готов нести расходы на дополнительное образование старшего сына. Эти факты свидетельствуют о его отношении к образованию, понимании им того, что приобретаемые знания и умения составят капитал будущего благополучия. Для человека «старых устоев», как характеризовал отца А. Н. Пыпин, не раз наблюдавшего, как нужные связи, а не личные качества продвигают по службе, это, безусловно, прогрессивный взгляд.

«Доброжелательные отношения», по словам родных, сложились у Николая Дмитриевича и с его крепостными. От отца и брата Андрея он унаследовал имение Дмитриевское (Иткарка). В неурожайные годы Н. Д. Пыпин делился с крепостными своими запасами, а после отмены крепостного права добросовестно отделил им землю. Крестьяне относились к нему с полным доверием. Будучи ребенком, А. Н. Пыпин наблюдал, как, уже став свободными, «бывшие крепостные обращались к старому барину за советами в их новом положении...», и потом, многие годы спустя, приезжая в Саратов, останавливались в их доме, «пологая себя как будто дома» [5, с. 52]. Существенно иными в своей основе были доброта Н. Д. Пыпина к своим крестьянам и забота о них. Его сын определит это качество отца словом «ответственность», корни которой были заложены патриархальными устоями, свойственными старшим членам семьи. Забота о крестьянах не столько сводилась в область нравственных требований, сколько

выражала осознание им своего места в системе отношений между помещиком и крепостными.

Отец расширял представление сына об окружающем мире. Познакомил его с крестьянской жизнью: «Когда мне в первый раз привелось прожить несколько времени с отцом в деревне, ... для меня в первый раз открылся этот особый круг жизни, ... с его рабочими интересами и работой, с особым складом всего обычая, с его представлениями о природе, повериями и суевериями» [5, с. 52]. Ученый фиксирует свое первое внутреннее движение к живой старине народного слова, интерес к многовековой народной культуре, в которой словесное творчество было неразрывно связано с духовной и бытовой сторонами жизни крестьян. Эти впечатления запомнятся на всю жизнь, дадут толчок к их научному познанию, изучению народнопоэтических воззрений и обрядовой стороны жизни.

Вместе с тем с рассказами отца в его жизнь входили еще «мало сознаваемые, но тем не менее производившие тяжелые впечатления» [5, с. 53] истории о помещичьем произволе над крепостными, о крестьянских бунтах, о рекрутских наборах. Эта грубая социальная реальность была слишком контрастной его размеренной благополучной жизни в родительском доме, она трогала юное сердце, нравственно развивала, но в раннем возрасте была сложна для понимания.

Ввиду служебной занятости Николай Дмитриевич часто отсутствовал, поэтому основная забота о быте и детях ложилась на Александру Егоровну, которая была настоящей главой дома, «твердо державшей бразды правления» [4, с. 30] на протяжении многих десятков лет.

В памяти дочери она осталась «небольшого роста, полной и красивой, со своеобразной старинной прической с завитушками из кос и гребеночками... носила нарядные чепчики ослепительной белизны, красиво вышитые и накрахмаленные...» [2, с. 19]. С годами почти не менялась, отмечал М. Н. Чернышевский: «Маленькая, но не очень худенькая, немного сгорбленная, в чепце, в очках во время чтения, и с постоянным вязанием в руках» [4, с. 30].

Среди отличительных качеств Александры Егоровны было трудолюбие. Дети вспоминали, что никогда не видели ее в праздном времяпрепровождении: «...если не шьет, то вяжет и читает, а по праздникам только читает...» [2, с. 21]. Спокойно, без суеты вела хозяйство. При небольших доходах все в доме были одеты, обуты и сыты.

Главной чертой характера А. Е. Пыпиной была рассудительность. Вероятно, она передавалась ей от матери, но вместе с тем формировалась

¹ Здесь и далее письма цитируются по авторитетным копиям В. А. Пыпиной.

в процессе интеллектуального развития. Для дочери священника Александра Егоровна была хорошо образована. Обучалась французскому, греческому и латинскому языкам, и хотя не говорила на них, но умела читать и переводить. По словам ее дочери, первые уроки латыни А. Н. Пыпину были даны ею [2, с. 21]. И в целом начальным образованием детей занималась она. С раннего возраста обучала всех чтению и письму, придумывала дидактические игры, например, путешествие по разным городам, которые надо было отыскивать на карте [2, с. 21], приобщала их к чтению – собирала вечерами вокруг себя и читала вслух [2, с. 21].

Всю жизнь А. Е. Пыпина много читала. Литературные интересы были привиты Г. И. Чернышевским, обширной библиотекой которого пользовались и взрослые, и дети. «В его кабинете, который я с детства знал, – писал А. Н. Пыпин, – было два шкафа, наполненных книгами: здесь была и старина восемнадцатого века, начиная с Роллена, продолжая Шрекком и аббатом Милотом, за ними следовала “История государства Российского” Карамзина; к этому присоединялись новые сочинения общеобразовательного содержания: Энциклопедический словарь Плюшара, Путешествие вокруг света Дюмон-Дюрвиля, “Живописное обозрение” Полевого, “Картины света” Вельтмана и т.п. Этот последний разряд книг был и нашим первым чтением. Затем представлена была литература духовная: помню в ней объяснения на Книгу Бытия Филарета, книги по церковной истории, Собрание проповедей, Мистические книги... К нам проникала и новейшая литература... новые книги русские, а также французские: у нас бывали свежие томы сочинений Пушкина, Жуковского, Гоголя, некоторые журналы ...» [5, с. 50]

Для детей, привыкших видеть старших членов семьи за книгой, любовь к чтению была естественным состоянием, насущной потребностью. Екатерина Пыпина вспоминала, как ребенком садилась рядом с читающей матерью на скамеечку и тоже читала.

Любопытен и показателен эпизод из воспоминаний ученого: «В первых классах гимназии я знал “Отечественные записки” и очень сокрушался, что не все мне было понятно, например, статьи писателя Искандера; мать успокаивала меня, что для меня еще рано читать и что я скоро буду понимать все это...» [5, с. 58]. Повидимому, чтение детей было бессистемным. В выборе книг они были предоставлены сами

себе, что не освобождало их от ошибок – чтения книг не по возрасту, и как итог – следовавшие читательские огорчения или разочарования.

В одной из своих рецензий 1889 года А. Н. Пыпин сформулирует требование к литературе для детей: «Остаться в пределах детского или юношеского понимания, но вместе с тем сообщать читателям нечто, до чего они не могут додуматься» [24, с. 412]. Интересно, что в литературном образовании собственных четверых детей Александр Николаевич будет придерживаться системного подхода. По воспоминаниям его дочери, Веры Александровны, он не только читал им книги, мастерски рассказывал сказки, но и давал рекомендации по чтению тех или иных книг. Опираясь на собственный опыт, ученый был убежден, что книги развивают мышление, чувства, воображение, формируют нравственно и эстетически.

Взаимоотношения А. Н. Пыпина с матерью были доверительными. Ей он сообщал о своих мечтах, делился планами научной деятельности. Об этой ее осведомленности свидетельствуют немногие сохранившиеся письма. Так, в письме к сыну, совершающему первое путешествие по Европе, она пишет: «...радуюсь... читая твои письма, что желание твое исполнилось, т.к. видишь чудеса и ума, и труда человеческого» [25, л. 2]. Александра Егоровна знала, что поездка в европейские страны для А. Н. Пыпина складывалась сложно, была долгожданной. За 22 года до выхода «Истории русской литературы» в ее письме к сыну от 18 июня 1867 г. встречается первое упоминание о намерении ученого заняться разработкой этой темы: «Что же твоя история русской литературы, – спрашивает она, – идет ли вперед, или время занято другими работами» [26, л. 13]. Он присылал ей все свои работы, которые она обязательно прочитывала, в чем убеждала сомневающегося в этом сына: «...конечно, твое сочинение о библейском обществе читать буду с удовольствием, ты думаешь, что я что-нибудь не читаю из твоих сочинений, лишь бы знать и иметь в руках твою работу, а читать уже буду, радует меня, что твоя работа принимается многими по достоинству» [27, л. 16].

А. Е. Пыпина оставила воспоминания. История ее семьи, двух замужеств, рождения детей, деятельности Г. И. Чернышевского разворачивается в пространстве провинциального Саратова первой трети XIX в. В ценнейших фактах, имеющих краеведческое и историко-культурное значение, воссозданы картины саратовской действительности.

Влияние родителей на личностное развитие А. Н. Пыпина было велико, он сам это сознавал. В письме от 6 ноября 1881 г. обращаясь к ним по случаю пятидесятилетия их женитьбы, отмечал: «Если есть у меня чувство правды, добросовестный труд, полное отсутствие всякого тщеславия, доброе расположение к людям, их главное начало идет, конечно, из впечатлений старой жизни дома... если мне удалось потом сделать что-то хорошее, общественно-полезное и правдивое – вам принадлежит в этом крупная доля, именно то главное зерно чувства правды, которым я обязан вам...» [8, л. 1].

Таким образом, жизнь семьи, поведение отца и матери, их нравственные качества составляли для А. Н. Пыпина значимый источник жизненных впечатлений, тех впечатлений «старой жизни дома», которые обогащали духовно, побуждали к умственному и эмоциональному восприятию, формировали картину мира.

Список литературы

1. Пыпина А. Г. Воспоминания // Пропагандист великого наследия: Из истории Дома-музея Н. Г. Чернышевского / редкол. : А. А. Демченко (отв. ред.) [и др.]. Вып. 1. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1984. С. 88–102.
2. Беседы о прошлом: Рассказы Е. Н. Пыпиной в записях Н. М. Чернышевской. Саратов : Приволжское кн. изд-во, 1983. 128 с.
3. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. : в 15 т. М. : Гослитиздат. 1939–1953.
4. Чернышевский М. Н. Мои личные воспоминания о семье Пыпиных // Пропагандист великого наследия: О работе музея-усадьбы Г. Г. Чернышевского / редкол. : А. А. Демченко (отв. ред.) [и др.]. Вып. 2. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1990. С. 27–47.
5. Пыпин А. Н. Мои заметки. Саратов : Соотечественник. 1996. 332 с.
6. Глинский Б. Б. Александр Николаевич Пыпин. Материалы для биографии и характеристики // Исторический вестник. 1905. № 1. С. 263–307.
7. Юдин П. Л. Из юношеских лет А. Н. Пыпина // Исторический вестник. 1908. № 8. С. 557–566.
8. Пыпина В. А. К биографии А. Н. Пыпина // МУК «Музей-усадьба Н. Г. Чернышевского» (далее – МНГЧ). ОФ. 3915.
9. Демченко А. А. Ученические годы А. Н. Пыпина // Литературная и общественная жизнь Саратова (из архивных разысканий). Саратов : ИЦ «Наука», 2008. С. 66–85.
10. Озерянский А. С. К вопросу взаимоотношений Н. Г. Чернышевского и А. Н. Пыпина (по материалам переписки 1840-х – начала 1860-х гг.) // Пропагандист великого наследия. Сборник научных трудов и материалов / отв. ред. А. А. Демченко. Саратов : ИЦ «Наука», 2011. Вып. 4. С. 124–136.
11. Озерянский А. С. Александр Николаевич Пыпин (к биографии ученого) // А. Н. Пыпин. Материалы к биографии. Саратов : Амирит, 2017. С. 4–94.
12. ГАСО. Ф. 637. Оп. 1. Д. 1612.
13. МНГЧ. ОФ. 3011.
14. ГАСО Ф. 19. Оп. 1. Д. 494.
15. ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3033.
16. Письмо С. Н. Пыпина А. Е. и Н. Д. Пыпиным от 2 сентября 1871 г. // МНГЧ. ОФ. 3741/21.
17. Письмо И. Г. Терсинского Е. Е. Чернышевской от 8 августа 1850 г. // МНГЧ. ОФ. 3726/8.
18. Письмо А. Е. и Н. Д. Пыпиных А. Н. Пыпину от 7 сентября 1849 г. // МНГЧ. ОФ. 3704/2–3.
19. Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография (1828–1858). М. ; СПб. : Петролгиф, 2015. 624 с.
20. Озерянский А. С. Две жизни – две судьбы // Волга XXI век. 2013. № 9–10. С. 206–213.
21. Письмо А. Е. и Н. Д. Пыпиных А. Н. Пыпину от 15 марта 1850 г. // МНГЧ. ОФ. 3704/12.
22. Письмо А. Е. и Н. Д. Пыпиных А. Н. Пыпину от 29 марта 1850 г. // МНГЧ. ОФ. 3704/13.
23. Письмо А. Е. и Н. Д. Пыпиных А. Н. Пыпину от 26 ноября 1849 г. // МНГЧ. ОФ. 3704/7.
24. Книга для детей. Дневник школьника Эдмонда де Амичис. Редакция перевода и предисловие В. Крестовского (псевдоним). Оригинальные рисунки русских художников. СПб., 1889 [Рец.] // Вестник Европы. Март. 1889. С. 411–415.
25. Письмо А. Е. и Н. Д. Пыпиных А. Н. Пыпину от 3 октября 1858 г. // МНГЧ. ОФ. 3703/2
26. Письмо А. Е. и Н. Д. Пыпиных А. Н. Пыпину от 18 июня 1867 г. // МНГЧ. ОФ. 3703/12.
27. Письмо А. Е. и Н. Д. Пыпиных А. Н. Пыпину от 8 декабря 1868 г. // МНГЧ. ОФ. 3703/15-16.

Поступила в редакцию 22.03.2023; одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 22.03.2023; approved after reviewing 24.04.2023; accepted for publication 10.11.2023